

*Мистика любви*

Нина Молева

# Призрак Виардо

*Несостоявшееся  
счастье Ивана  
Тургенева*



Мистика любви

Нина Молева

**Призрак Виардо,  
или Несостоявшееся  
счастье Ивана Тургенева**

«Алисторус»

2008

УДК 82-94  
ББК 84(2Рос-Рус)

**Молева Н. М.**

Призрак Виардо, или Несостоявшееся счастье Ивана Тургенева /  
Н. М. Молева — «Алисторус», 2008 — (Мистика любви)

ISBN 978-5-9265-0603-4

Обращаясь к биографии великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, стало привычным называть имя знаменитой певицы Полины Виардо как предмета его многолетнего увлечения, в какое-то время любви и, во всяком случае, многолетней привязанности. Эти сложные отношения действительно существовали, приносили светлые минуты, но гораздо чаще тяжелые, безысходные, не дававшие вырваться из заколдованного круга, как говорил сам писатель, несвободы. А между тем были в его жизни всплески иных чувств, надежды на создание семьи, обретения любимого и преданного существа, самоотверженного, понимающего все душевные движения, жены-друга. Три женщины прошли в разное время через его дни, позволив писателю создать неповторимые по чистоте, благородству и преданности образы героинь его произведений – тургеневских девушек, тургеневских женщин.

УДК 82-94  
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9265-0603-4

© Молева Н. М., 2008  
© Алисторус, 2008

## Содержание

Прощание	6
Госпожа полковница	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

# **Нина Молева**

## **Призрак Виардо, или Несостоявшееся счастье Ивана Тургенева**

© Молева Н. М., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

\* \* \*

Любовь даже вовсе не чувство – она – болезнь, известное состояние души и тела, она не развивается постепенно, в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли – ни дать, ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка; и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения души и прочих идеальностей, придуманных немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо – раб, а другое – властелин и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь – цепь, и самая тяжелая. По крайней мере, я дошел до такого убеждения, и дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что я умираю рабом.

Экая, как подумаешь, моя судьба-то! В первой молодости я непременно хотел завоевать себе небо... потом я пустился мечтать о благе всего человечества, о благе родины, потом и это прошло: я думал только, как бы устроить себе домашнюю, семейную жизнь... да споткнулся о муравейник – и бух оземь: да в могилу... Уж какие мы, русские, мастера кончать таким манером.

*Иван Тургенев. Переписка. 1855 год*

## Прощание

Не успел... Вместо дома на Остоженке – грудки мерзлой земли в Донском. Припорох скупого снега. Пересвист синиц. Крик ворон в темнеющем небе. Узкие дорожки в сугробах. Доска – на будущее – «Под камнем сим покоится полковница Варвара Петровна Тургенева, скончавшаяся 16 ноября 1850 года. Жития ее было 70 лет. Мир праху ея»...

Может, брат Николай поторопился с похоронами. Может, еще мог день-другой подождать. Но в такой год как было ему знать, что после его депеши о болезни – только о болезни! – Иван бросается в дорогу, платя двойные прогоны из давным-давно отощавшего кошелька. Не станет останавливаться в пути. Не заночует. Петербург – Москва не ближний край: разве считаешь. И все-таки главное – тот, невыносимый для памяти июльский разговор...

Он сам, пожалуй, не решился бы на него, в который раз подавил в себе горечь обиды и недоумения. Но брат – речь шла о нем, его семье, его детях. Николай во всем и полностью зависел от матери. Это она убедила его оставить службу, переехать в Москву, купила ему дом – и мышеловка захлопнулась. Варвара Петровна люто ненавидела невестку – свою недавнюю компаньонку, на которой осмелился жениться без согласия матери старший сын. Перенесла свою ненависть и на внуков. В семье останется суеверное представление, что отвергнутые бабкой – она даже не хотела их видеть, пускать себе на глаза – внуки были лишены ею права на жизнь: один за другим все они умерли в раннем возрасте. Но это со временем, а пока Иван любой ценой готов был им помочь.

В ту весну 1850 года Иван прощался с Парижем трудно и где-то в подсознании окончательно. Писал добрые слова. Одних сердечно благодарил. Перед другими почти извинялся за принесенные огорчения.

Полине Виардо: «Надо наконец устроить эти невыносимые семейные дела, которые тянутся за мной, как паутина на крыльях мухи, которую только что из нее вызволили. Это совершенно необходимо, и – так или иначе – я своего добьюсь. Все перипетии я вам в точности опишу. Вы позволите мне... поверять вам все, без исключения все, что я сделаю, что решу, что со мной случится. Мысль жить так, на ваших глазах, будет для меня очень благотворной и очень приятной».

Верил ли он в плоды собственной решимости? Виардо с ее жизненным опытом и практицизмом – конечно, нет. Единственный наглядный результат – встреча с собственной дочерью Пелагеей, прижитой от давно забытой им белошвейки, подрабатывавшей в доме Варвары Петровны. Варвара Петровна приютила ее среди дворовых, как и побочную дочь брата покойного мужа: дело слишком обычное. Иван потрясен сходством маленького забитого и всеми забытого существа с собственной детской фотографией и потому решает устроить ей совсем иную жизнь, вытащить «из крепостного омута». В этом Виардо сразу приходит на помощь. Девочку переправляют в Париж под покровительство семьи певицы. Думала ли великолепная артистка, что тем самым навсегда привяжет к своему дому отца, в знак признательности переименовавшего даже имя дочери: теперь она становится Полиной Тургеневой. И снова это в будущем, а пока следует письмо Полю Виардо, старому Полю Виардо, плохо скрывавшему свою неприязнь к ворвавшемуся в его и без того слишком сложную жизнь русскому красавцу.

«Париж. Понедельник, 24 июня 1850.

Я не хочу покинуть Францию, мой дорогой и добрый друг, не сказав вам, как я вас люблю и уважаю и как жалею о необходимости этой разлуки. Я увожу с собой самые сердечные воспоминания о вас, я сумел оценить высоту и благородство вашего характера и, поверьте, буду снова чувствовать себя вполне счастливым только тогда, когда опять смогу вместе с вами бродить с ружьем в руках по милым равнинам Бри. Я принимаю ваше предсказание; я хочу ему

верить. Конечно, родина имеет свои права; но не там ли настоящая родина, где мы нашли больше всего любви, где сердце и ум чувствуют себя, всего лучше? Нет на земле места, которое я любил бы так, как Куртавель. Не могу выразить, сколь я был тронут всеми проявлениями дружбы, полученными за последние дни; не знаю, право, чем я их заслужил, но что я знаю, так это то, что, пока жив, буду хранить в сердце память о них. Вы имеете во мне, дорогой Виардо, безгранично преданного друга.

Ну, живите счастливо, желаю вам всего самого лучшего. Мы когда-нибудь еще увидимся; это будет счастливый день для меня, и он мне щедро воздаст за все ожидающие меня печали. Благодарю вас за добрые советы и крепко Вас обнимаю. Будьте же счастливы, добрый и дорогой Виардо, и не забывайте вашего друга».

\* \* \*

...Разговор был мучительным и долгим. В памяти остались полукруглые окна уютной гостиной с окнами на Остоженку, где тянулась казавшаяся нескончаемой вереница экипажей. Мерцающий кафель высокой печати. Приспущенные шторы. И голос матери. Сухой. Властный. Непреклонный. Никаких средств для существования сыновей она из своего огромного состояния выделять не собиралась. Все только из ее рук и по ее приказу. Варвара Петровна ни в чем не изменилась к своим семидесяти годам. Она торжествовала полную победу. Вы – Тургеневы? Так и живите своими отеческими владениями!

Вот только ожидала ли она, что на этот раз разрыв будет полным? Угроза не подействует. Оба сына уедут с Остоженки в свое крохотное Тургенево, а Иван Сергеевич вскоре еще дальше – в Петербург. Единственная отдушина для его откровений, одинаково для него унижительных и тягостных, – письма к Виардо.

«Я повидался с матерью. Дела я нашел в самом плачевном состоянии, но расскажу вам об этом позднее, когда немного осмотрюсь. Сейчас же вам будет достаточно узнать, что самому мне кажется, будто я, бог знает как надолго, вошел в сырой и вредный для здоровья погреб. Ах! Солнце, свежий воздух, – все, что делает жизнь приятной и прекрасной, я оставил там, у вас, друзья мои. Как далеко нахожусь я от вас! Как много лье нас разделяют! Как много дней, недель, может быть, лет протечет до того, как мне будет дано снова увидеть ваши милые черты, свободно вздохнуть в вашем дорогом присутствии. Не забывайте меня, думайте обо мне, умоляю вас, а я – что должен я сделать, что должен сказать, чтобы дать вам понять, насколько память о вас мне сладостна и дорога. Она еще и нечто гораздо большее; как я предвижу, это будет для меня единственным якорем спасения, когда, среди ожидающих меня тягостных распрей, трудясь над устройством всевозможных неприятных грустных дел, я почувствую, что мое сердце изнемогает от усталости и отвращения. Это будет моим единственным утешением. Когда я вспоминаю о такой доброте, искренности, нежности, красоте, но, особенно, о привязанности, которую ко мне испытывают, быть может, мне достанет мужества промыть все эти старые раны, противостоять всем этим горестям и бедам. Впрочем, вы мне позвольте, не правда ли, сообщить вам о моих терзаниях. Меня это так утешит! Мне так хотелось бы жить у вас на глазах... и все-таки, когда я думаю о том, что эти письма, где сплошь идет речь о грустных и пошлых семейных распрях, вы получите в Куртавеле, то опасаясь, как бы скверное впечатление от них не отразилось, невольно и на мне. Решительно я расскажу вам только о результатах. Я не хочу портить память обо мне; это самое дорогое из моих сокровищ, то, которое я храню, больше всего за него тревожусь.

С завтрашнего дня я начну нечто вроде дневника, который буду вам посылать. Сегодня это только письмецо».

Таясь от всех – не то что от Виардо, но даже от брата, – Иван Сергеевич ездит в Донской монастырь. По-прежнему пустынный. По-прежнему сумрачный – до самого короткого

дня в году оставались считанные недели. Жизнь теплилась в кельях. В низких бархатных звуках полиелейного колокола. В тонкой цепочке тянувшихся в большой собор монахов. А он, сворачивая за приземистый, словно вросший в сугробы, старый собор, под кладбищенскую сень, вспоминал, отбрасывал воспоминания и снова начинал вспоминать.

Варвару Петровну больше всего поразило не непокорство сыновей – она давно находила безошибочные приемы с ним справляться. Но то, что они уехали вдвоем, в полунищее Тургенево. Иван со своей славой успешного драматурга, сплошными успехами на петербургской и московской сценах умудрился прожить там весь август и сентябрь. Ей еще успели доложить, что пятого ноября он отправил Палашку в Париж – надо же до такого додуматься! Николай ее не занимал вовсе. Впрочем, она заявила, что не желает видеть сыновей у своего смертного одра и на похоронах. Этого мало. Когда Николай, вопреки всем запретам, стал в ноябре, вместе с ухудшением ее здоровья, каждый день появляться на Остоженке, распорядилась, чтобы в соседней со спальней комнате постоянно играл оркестр самые веселые польки и мазурки – пусть сама никогда не танцевала и балов не терпела.

Иван Сергеевич не мог не рассказать об этом Виардо: «Ее последние дни были очень печальны. Избави бог всех нас от такой смерти! Она старалась только оглушить себя – накануне смерти, когда уже началось предсмертное хрипение, в соседней комнате по ее распоряжению оркестр играл польки». «Мать моя в последние свои минуты думала только о том, как бы – стыдно сказать – разорить нас – меня и брата, так что последнее письмо, написанное ею своему управляющему, содержало ясный и точный приказ продать все за бесценок, поджечь все, если бы это было нужно, чтобы ничего не осталось. Но делать нечего – все надо забыть, и я сделаю это от души теперь, когда вы, мой исповедник, знаете все. А между тем – я это чувствую – ей было бы так легко заставить нас любить ее и сожалеть о ней!»

Для Виардо, да и не для нее одной, это необъяснимая снисходительность. Необъяснимая? Да, ему нечего вспоминать в детстве: оно было слишком суровым, подчас безжалостным. На вопрос, хотел ли бы он вернуться в детские годы, Иван Сергеевич ответит отрицательно, даже с какой-то, по выражению собеседника, «завзятостью»: только не это! Да, годы занятий в пансионе, с домашними учителями, даже в Московском университете ничего доброго не рожают в душе. А дальше – дальше, по счастью, его жизнь будет протекать вдали от родительского гнезда. Мать потребовала его возвращения, по крайней мере, приездов, он сопротивлялся как мог и как умел. Казалось бы, все очевидно. Но не для Тургенева.

В написанном незадолго до собственной кончины рассказе «Старые портреты» он коснется отношений глубоко симпатичного ему отца с никак не намеченными дочерьми: «Замшилось к ним мое сердце», – сказал он мне однажды. Зная его доброту, я дивился его словам. – Трудно рассудить родителей с детьми. – «Большой овраг начинается малой трещиной», – сказал Алексей Сергеевич мне в другой раз по этому поводу – «в аршин рана заживает, а отруби хоть ноготь, не прирастет».

Варвара Петровна была наполовину Лутовиновой – по отцу, наполовину Лавровой – по матери. Лутовиновых, хоть особенно гордиться им было нечем, уважала, на Лавровых досадовала. Доброта, мягкость, расположение к людям, «бесхребетность» Ивана – все приписывалось «никчемным» Лавровым. Правда, что ни один из сыновей лутовиновского крутого нрава не унаследовал, к великой ее досаде. За то и драла их, нередко и собственноручно, каждый день, за вины и без вин, – для острастки на будущее.

Жестокость? Несправедливость? В последний свой приезд в Спасское-Лутовиново Тургенев скажет: в ее дом никогда не входила любовь. Счастье, хотели вы сказать, заметил собеседник. «Вы думаете, одно связано с другим?» Вопрос повис в воздухе. Еще теплом. Уже тропотом осенью. С тяжелым запахом сыреющей земли и прелых листьев. Но любовь не входила... Как и в жизнь слишком многих тургеньевских героинь.



## Госпожа полковница

*Когда под холодной землей мое разбитое сердце  
Заснет навсегда, вспомни обо мне.  
Когда одинокий цветок на моей могиле  
Тихо раскроется, вспомни обо мне.  
Я не увижу тебя более, но моя бессмертная душа  
Предстанет тебе, как верная сестра.  
Слушай же в ночи голос, зовущий тебя,  
Помни обо мне...*

*Французские стихи, переписанные В. П. Тургеневой в письме  
И. С. Тургеневу (перевод)*

Обоз был длинным и внушительным. Коляски, фуры, добрый десяток лошадей. Господа, господские дети, кучера, дворовые, огромная поклажа. Семейство Тургеневых отправлялось за границу. Согласно газетному объявлению, «отъезжающий за границу Сергей Николаевич Тургенев, отставной полковник с супругою Варварою Петровною, малолетними сыновьями Николаем и Иваном, с отставным штабс-ротмистром Николаем Николаевичем Тургеневым и дворянином Иваном Богдановичем Фон-Барановым, дерптским уроженцем. При них крепостные люди: Павел Андреев, Иван Сергеев, девки Софья Данилова и Катерина Петрова...»

Такое большое собрание людей требовало расшифровки. Отставной штабс-ротмистр был родным братом супруга, дерптский уроженец – врачом, сопровождавшим семейство, Павел Андреев «дядькой» Ивана Сергеевича, прислуживавший господам Иван Сергеев со временем станет дворецким в московском доме господ. Софья Даниловна Иванова в действительности была не крепостной, а обер-офицерской дочерью, скорее приживалкой и доверенной барыни, при которой останется до самой ее смерти.

Первые числа мая 1822 года – первый приезд Тургенева в Москву. Что могло остаться в памяти четырехлетнего ребенка? Но ведь запомнил же Иван Сергеевич во всех подробностях нанесенный, спустя считанные дни, визит к светлейшей княгине Голенищевой Кутузовой-Смоленской. «Мне было тогда шесть лет (писатель ошибается: когда ему исполнилось шесть лет, княгиня уже скончалась. – Н.М.) не больше, и когда меня подвели к этой ветхой старухе, по головному убору, по всему виду своему напоминавшей икону, почерневшую от времени, я, вместо благоговейного почтения, с которым относились к старухе моя матушка и все окружающие, брякнул ей: «Ты совсем похожа на обезьяну...» Крепко мне досталось за эту выходку». М. С. Щепкину он со временем расскажет, что было в Москве очень жарко, и река плескалась у самых стен Кремля – «половодье я всегда ждал с особенным волнением все годы».

В газетном объявлении была еще одна существенная неточность, о которой делопроизводитель, конечно же, не знал. За границу ехал не полковник в отставке с семьей, а госпожа Тургенева с супругом и всеми присными. Она была главой дома. Она распоряжалась каждой копейкой. Она решала любые действия и не терпела ни возражений, ни даже советов. Без знания этих семейных обстоятельств невозможно себе представить, как складывался характер писателя, его жизнь, его герои.

То, как пышно ехали через Москву, а затем отдавали визиты вежливости в Петербурге Тургеневы, для окружающих служило свидетельством незаурядного богатства Варвары Петровны, но и полной ее неосведомленности в вопросах светского обихода. Каждым своим поступком она лишний раз показывала, что была урожденная Лутовинова, «нуворишем»,

заносчивым и самоуверенным. И хоть ехала она из Орла, все подробности ее жизни и неожиданного богатства одинаково знали в обеих столицах.

На Орловщине Лутовиновых знали. Богатые помещики-степняки, хотя родовитостью и успехами на государственной службе похвастаться не могли. Описывая в письме одному из своих ближайших друзей, Гюставу Флоберу, сокровища своего Спасского, Тургенев первой называл древнюю икону, якобы подаренную одному из его предков Иваном Грозным.

Что в этом было от семейных преданий, а что от исторической правды, сказать трудно. Верно одно: родоначальником в семье, да и в официальных бумагах, считался Лутовинов, по прозвищу Мясоед, направленный в Москву на всеобщий собор выбирать царя, которым стал в 1613 году Михаил Романов. Сыну Мясоеда удалось достичь воеводства, но не оказаться при новом дворе. О знатности и вовсе говорить не приходилось. Зато спустя век именно эта семья обретает черты, которых не хватало самым знаменитым аристократам.

Библиотека! Она начинает складываться едва ли не во времена Анны Иоанновны и отнюдь не из развлекательных или, как то бывало обычно, церковных книг. Здесь Библия на французском языке, изданная в 1739 году в Эдинбурге, амстердамское издание сборника «Зритель, или Современный Сократ», «Жизнеописание знаменитых мужей» Плутарха, сочинения Буало. Тем более удивительным было то, что все книги были на французском языке, которым свободно, если не сказать, виртуозно владели все члены семьи из поколения в поколение.

Нигде в пансионах не учившаяся, специальных учителей не имевшая Варвара Петровна с одинаковой легкостью изъясняется и пишет как на русском, так и на французском. А ошибки – ими пестрели оба языка. Слишком многие были в то время с грамматикой не в ладу. И еще одна особенность Варвары Петровны – она пользовалась молитвенником только на французском языке, приобретенным во время путешествий по Европе. В сельской церкви Спасского-Лутовинова! Детей своих учила с малолетства французскому и немецкому, но только уже с очень хорошими учителями, в достоинствах которых могла спокойно разобраться.

Ее отец и два дяди – три брата Лутовиновых: Петр, Алексей и Иван, оставившие по себе не слишком добрую память на Орловщине. Мрачные. Неприветливые. Скорые на шумные споры и грубиянские выходки. И снова на пути всех обвинений оказывается библиотека. Книги – это святое, которым они дорожили, прощали друг другу все недоразумения, передавали друг другу по завещанию, надписывали и регистрировали каждое приобретение. В свое время пользовавшаяся исключительным успехом книга Прево «История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением чрез господина Ла Гарпа, члена Французской академии, содержащая в себе: «Достойнейшее примечание, самое полезнейшее и наилучшим доказанное образом, в странах света, до коих достигали Европейцы; о нравах оных жителей, о верах, обычаях, науках, художествах, торговле и рукоделиях, с приобщением Землеописательных чертежей и изображений вещей любопытных. На российский язык переведена 1782 года Дмитровского уезда в сельце Михалево Михаилом Веревкиным». Это 24-томное издание было у каждого из братьев свое. Отдельные тома в библиотеке Спасского несут подписи и Алексея и Петра Ивановичей. Издание ценили в Спасском и в детские годы Тургенева. Во всяком случае, отправляясь в свое первое заграничное путешествие в 1822 году, Варвара Петровна записывает в памятной книжечке, что у книготорговца Готье надо спросить издания, подобные сочинению аббата Прево.

В переводе, который в свое время издал наш великий просветитель Николай Иванович Новиков в Университетской типографии, жители Спасского не нуждались.

У братьев есть и другой предмет увлечения – собственно литература. Петр Иванович и Алексей Иванович служат в Преображенском полку, где под началом Алексея Лутовинова оказывается в 1766 году Г. Р. Державин. Державин не только с признательностью вспоминает это время службы, но и в дальнейшем заботится о братьях Лутовиновых, они же, в свою очередь, восторженно относятся к его творчеству. Это отношение передастся их внуку. Для Тур-

генева Державин – великий поэт, натура «в высшей степени поэтическая, смелая и сильная». Из поколения в поколение в Спасском перечитывается книга «Объяснение на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой в 1809 году» в четырех частях, изданные в Петербурге Ф. П. Львовым.

Братья увлекаются театром, покупают книги из репертуара столичных театров, новые издания сочинений русских и западных драматургов.

Алексею Ивановичу принадлежал первый экземпляр издания русского перевода комедий Мольера, которым так увлекался Тургенев. Рядом другой великий француз – Ш. Л. де Монтескье с его «Персидскими письмами».

Судя по надписи на книге, Алексей Иванович за несколько лет до своей смерти приобрел их в русском переводе, тогда как Варвара Петровна делает пометку в записной книжке о необходимости приобрести для своей библиотеки непременно французское издание: «на русском смысле нету».

Об отечественной истории нечего и говорить – она неизменно остается в центре внимания братьев. Двадцати семи лет от роду офицер-преображенец покупает «Тетради, записанные всяким письмам и делам, кому что приказано и в каком числе от е. и. в. Петра Великого 1701, 1705 и 1706 годов с приложением примечаний о службах тех людей, к которым сей государь писывал», издания Сената. Почти одновременно в типографии Шнора, «состоящей в Лютеранском церковном дворе» в Петербурге, его внимание привлекает русский перевод французской книги А. Рише «Новый опыт о великих происшествиях от малых причин», который он надписывает:

«Алексея Лутавинова» (братья писали свою фамилию через «а»).

Наиболее интересовавшие его сочинения Алексей Иванович, как и многие его современники, готов был иметь и в рукописном виде. В частности, это «Кандид» Вольтера. Написанный на превосходной лощеной бумаге фабрики деда Натали Пушкиной Афанасия Гончарова, этот «опус» был выполнен скорее всего в расчете на последующую печать, но в нем нет пропусков, которые появятся в печатном варианте из цензурных соображений. И, кстати, вариант Алексея Ивановича уникален, подобных ему литературоведам обнаружить не удалось. Зато об этом раритете упомянет Тургенев и в «Нови», и в повести «Фауст». Застать писателя Алексея Ивановича не довелось, тем не менее, его портрет по семейным преданиям и книгам он воссоздает в повести «Три портрета» как Василия Ивановича Лучанинова.

О характере сыновей Мавры Ивановны Лутовиновой, а именно так звали прабабку Ивана Сергеевича, среди родных говорить было не принято. Хвастать нечем, ссылаться на екатерининские времена, век правления просвещеннейшей императрицы тем более. Старший сын – Петр Иванович освободился от службы раньше. За ним Алексей – в чине бригадира и Иван – в чине секунд-майора в 1778 году, и сразу же братья начали проявлять свой незаурядный темперамент. Одно счастье, что поселились в Мценском уезде. Из первых походов братьев, о котором долго помнили в семье, оставалась история с бедным сельским священником, сохранившаяся в архиве Мценского уездного суда.

«Великому Господину  
Преосвященнейшему Амвросию,  
Епископу Севскому и Брянскому,  
изо Мценского духовного правления  
*ДОНОШЕНИЕ.*

Сего 1778 года августа 28 дня во Мценское духовное правление Мценского прежде, а ныне Чернского уезда Сатыевского стану священник Петр Иванов словесною жалобой представлял: того же августа 24 дня литургисал он, священник, и был зван прихода своего в деревню Круговую однодворцем Алексеем Трофимовым сыном Черемисиновым для исповеди и свя-

того причастия детей его, Черемисинова, лежащих в болезни в доме его, состоящем в показанной деревне Круговой;

чего для он, священник, взяв святыя дары с дароносицею, пошел было в ту деревню Круговую, и, не отшед от своего двора более как полверсты, – увидел он, священник, впереди себя едущих верховыми лошадьми Мценского уезду помещиков: бригадира Алексея да секунд-майора Ивана Ивановых детей Лутовиновых с бывшими при них на верховых же лошадях пятью человек;

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.